

О республиканизме в России

1. Существовали ли республиканские проекты развития в России и какие?

Наталья Потапова (доцент факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, кандидат исторических наук)

Россия с давних времен (рискну допустить, что и никогда) не существовала в изоляции от Европы и интеллектуальных, идейных контактов с ней. Интенсивность этих контактов, мы знаем, стремительно возрастает в Новое время. Инфраструктура коммуникаций и циркуляции идей, технологий транспорта и переводов очень важна. Но в пространстве Российского государства сеть этих коммуникаций была организована для обслуживания потребностей государства, распределена очень неравномерно, обслуживая интересы режима. И республиканские ценности оседали на фильтре режима, часто принимали формы *мимикрии* под республиканизм, дискредитируя и подрывая его принципы.

Можно ли, например, верить Екатерине II, шутливо называвшей себя республиканкой, и рассматривать Уложенную комиссию, которую она созвала, как проект политического просвещения депутатов и приобщение их к республиканизму? Думаю, что да, если говорить о прожектерстве самой императрицы. Помимо Наказа, но в еще большей степени это проявилось в обрядах (процедурных правилах), обращенных к депутатам комиссии, там рассыпаны призывы к соучастию общему благу, гарантии равного доступа к власти, *недоминирования* во время работы, которая должна быть соперничеством не влиятельности, а аргументов и т.д. Однако Комиссия была слишком многочисленной, притом что представительство относилось к очень большим регионам, жители которых не знали друг друга и не имели возможности иначе, кроме как при посредничестве и активном вмешательстве, «протекции» губернской администрации быстро (как требовалось в данном случае государыне) определить «местные сословные интересы». Российский опыт политической репрезентации всегда был слишком громоздким. И участие государства в его моделировании всегда было жестким и деформирующим саму идею. Имперскому режиму традиционно в России были чужды федеральные модели, а в XIX веке и просто враждебны. Желание *контролировать* всегда оказывалось более сильным вектором, чем республиканские проекты поставить престол на фундамент активного гражданского *участия* в общем благе и заменить сервильность служением. На заседаниях комиссии, как бы ни настаивала законодательница, все знали настоящий титул и близость к престолу «депутата капорского дворянства» (граф Григорий Орлов) и других «особых» депутатов, решения которых поддерживали безапелляционно. Недостаточно было одной книжки с процедурными правилами и даже личного примера имеющих вес при дворе, чтобы превратить собрание привыкших к тому, что мир делится на сильных и сла-

бых, а порядок держится на телесных наказаниях, в сообщество обладающих равными возможностями. Это было невозможно, и придворные инициативы ошутимо растворялись в многолюдности этой ассамблеи. Как и сама суть дискуссии растворялась: при таком многолюдном собрании невозможна живая полемика и готовность физически ошутимо встать за свое предложение, свое понимание общего блага перед лицом тех, кто готов встать против, как в британском парламенте. Невозможно почувствовать противника, но главное — необходимо разделять и дальше с несогласными общие условия бытия, а значит, договариваться. А для республиканизма это очень важно. Прямая демократия — это все же очень важный опыт, на котором держатся и все прочие формы представительства более сложной архитектуры. Недаром аристотелевская модель опиралась на гражданское участие домохозяев, тех, кто имел опыт управления домовладением и ответственности за своих домочадцев (число которых, конечно, всегда было больше, чем простая семья, это и люди в услужении, не имеющие необходимой с точки зрения республиканизма свободой, интересы которых представляет их хозяин, и т.д.). И дальше, республиканская политическая культура — это опыт встречи с несогласными в обозримом пространстве форума или парламента, на площади или в зале суда, и это опыт постоянной работы — с этими людьми потом еще встречаться не раз. И это производит опыт принципиального отказа от насилия в пользу разумных аргументов и поиска *общей* рациональности, общего *блага*. Общее пространство, общее место и общие вещи принципиальны для приобретения опыта этой политической культуры. Которая, конечно, как всегда подчеркивал Олег Хархордин, не сводится к прямой и партиципаторной демократии, республиканизм гораздо шире и архитектура республиканского представительства сложнее.

Дворянская усадьба во второй половине XVIII века становится тем пространством, где в России мог образовываться будущий гражданский активизм, где подрастало поколение будущих свободных домохозяев, готовых разделить ответственность за общее благо. Манифест о вольности дворянства освобождал домохозяев от обязанности служить государю, даруя и признавая его свободу действовать в своем имении ко благу, не нарушая законы уголовные и божественные. И это была очень важная для аристотелевской модели политики парадигма. Империя оставалась расколота на множестве домовладений, нетотальность режима также тут очень важна. Библиотека становится центром многих дворянских резиденций, республика писем и письмен формирует воображаемое единство вне конкретных имперских границ, давая возможность ощущать себя гражданами, подобно древним грекам или римлянам.

Республиканизм был возможен в России ситуативно в местах и в моменты ослабления власти, а не реализации ее проектов, и как деяние оставался демократией участия, площади. Думаю, что восстание на Сенатской площади мы уверенно можем отнести к проявлению классического республиканизма. Готовность выступить за восстановление попранной законности, выйти, подобно древним римлянам, на форум, к конной статуе перед зданием Сената и требовать ответа цезаря, показывала появление сообщества, способного к самоорганизации на основе республиканских принципов, разделения гражданской ответственности за самовольно попираемые законы (пусть даже и законы престолонаследия), участвовать если не в их принятии, то как минимум в незыблемости в равной степени для монархов и подданных и соблюдения процедуры их изменения как гарантии от узурпации прав.

Конечно, очень важно, что считать самоуправляющимся сообществом. Не каждый коллективный протест республиканский. Республиканизм зиждется на чувстве ответственности за коллективное бытие, за людей рядом, бытие вместе с которыми и составляет «режим истины».

Николай Плотников (*Институт русской культуры имени Ю.М. Лотмана Рурского университета в Бохуме, Prof. Dr.*)

Понятие «республиканство» в широком смысле означает политическую философию, основанную на различии монархии и республики или в целом на идее и практике самоуправления, которое граждане объединенным усилием противопоставляют единоличной, авторитарной власти. В этом смысле Россия, как и большинство европейских стран, имеет давнюю традицию республиканских идей. Наиболее отчетливо они начинают формулироваться в России в конце XVIII века в контексте осмысления сначала Американской революции, а затем и Великой французской революции, которые воплотили идею республики в политическом устройстве современных государств. К числу наиболее ярких сторонников республиканской идеи следует, несомненно, отнести Александра Радищева.

Но уже в прежние века российской истории мы встречаемся с многочисленными попытками верховной знати ограничить самодержавную власть царя начиная с эпохи Ивана Грозного и периода Смуты до «Кондиций» Анны Иоанновны и восстания декабристов. Эти примеры свидетельствуют о многовековом противостоянии самодержавия и различных социальных групп, стремившихся его ограничить и получить свою долю участия во власти. Однако до начала XX века все эти попытки, ориентировались ли они на умеренную концепцию ограниченной монархии или же на радикальные требования замены монархической власти республиканской, были обречены на неудачу. Верховной власти удавалось с помощью служилого класса и иногда даже социальных низов пресечь все попытки активных слоев общества добиться политического участия и сохранить полноту самодержавия.

С конца XVIII века, с выступления Радищева, республиканские проекты в России приобретают отчетливо революционный характер и сочетаются — как это было у Пестеля, Бакунина, Герцена и вплоть до радикальных форм освободительного движения начала XX века — с требованием свержения самодержавной монархии и установления республиканского самоуправления народа. Идеалы Руссо, якобинства и революционного социализма становятся лейтмотивом республиканской политической философии в российском освободительном движении вплоть до первой революции 1905 года. При этом специфическим нюансом в российской дискуссии становится рефлексия по поводу форм социальной организации украинского казачества, которое рассматривается в качестве парадигмы республиканского самоуправления как многими сторонниками, так и противниками республиканской идеи. Но концептуализация этой рефлексии относится к началу XX века в связи с теорией и практикой анархизма до и после революции 1917 года.

2. Какие из проектов республиканского преобразования России были успешными и почему?

Наталья Потапова

Насилие в политике, породившее традицию обоюдного насилия и разрушительные революции в XIX—XX веках, связано, на мой взгляд, с регулярным провалом республиканских инициатив в России. Россия не знала права коллективных петиций вплоть до революции 1905 года. Россия не знала публичной политики европейского типа до революции 1905 года. Свобода печати, право митингов и собраний, необходимые, чтобы договориться об общих интересах лицом к лицу, все это, как и русский парламентаризм, возникает в России с большим опозданием, и опоздание это было фатальным. И опять же скатывается в насилие. Режим не ставил под сомнение возможность расстреливать из пушек в центре столицы собственный народ, время между восстанием на Сенатской площади и Кровавым воскресеньем — это тот контекст, тот режим, при котором республиканизм был по понятным причинам невозможен, даже в пространстве одного отдельно взятого имения. Характерный пример — история тверского земства, давшая начало журналу и группе «Освобождение» в эмиграции. Власть, присвоив чрезвычайные полномочия, открыто заявляла, что может в России не допустить собственника в его имение, может запретить заводить там, в границах частной собственности, учреждения на общее благо, может выслать из губернии, из страны, а может и отправить в Сибирь без суда.

Николай Плотников

Ответ на вопрос об успешности республиканских проектов в России с неизбежностью должен быть двояким, и эта двойственность является одной из главных проблем в понимании и легитимации республиканской идеи в российской истории и современности. С одной стороны, освободительное движение завершилось крушением самодержавия в феврале 1917 года и началом перехода к демократической республике, политическое устройство которой должно было быть определено Учредительным собранием. В этом смысле республиканское движение добилось своей цели и долгожданного триумфа — монархическая власть была заменена республиканской. Но, с другой стороны, фиксация всего освободительного движения лишь на намерении свержения самодержавия и почти полное отсутствие практики гражданского самоуправления и институций этой практики (за исключением земства) имели своим следствием установление большевистской диктатуры, которая лишь на словах объявила себя республиканской властью. Если вспомнить основные критерии республиканского правления, сформулированные Кантом в его трактате «К вечному миру» и включенные в учредительные документы и декларации политического устройства Европы после Второй мировой войны — гарантии политической свободы, равенство всех граждан перед законом и реальная система самоуправления, — то нужно констатировать, что ни один из этих критериев не соблюдался в политической практике Союза Советских Республик.

В этом втором аспекте можно говорить о том, что республиканский проект в результате революции 1917 года не состоялся. Значительное число сторонников республики из рядов либеральных конституционалистов (кадетов) отреклись в эмиграции от своего республиканства и стали открытыми сторонниками (ограниченной) монархии как политического устройства, которое следует предпочесть республиканской утопии. Одна из наиболее отчетливых формулировок противопоставления монархической и республиканской власти и осуждения республиканского проекта принадлежит перу бывшего (до революции) сторонника демократической республики, философа Ивана Ильина в его позднем трактате «О монархии и республике» (опубликован в 1979 году), в котором он с консервативно-монархической точки зрения подвел итог политическому развитию России и СССР в первой половине XX века. Этот трактат заслуживает упоминания в контексте обсуждения идеи республиканства не только наиболее отчетливым противопоставлением республиканства и монархизма как идеальных типов власти, но и потому, что в нем выражено типичное не только для русской эмигрантской мысли, но и для постсоветского периода недоверие власти к способности гражданского самоуправления народа, к партийности и парламентаризму, а также вера в спасительную силу реформ сверху. Единодушные постреволуционной эмигрантской мысли и nasledовавшей ей постсоветской политической философии в недоверии к республиканскому проекту выразилось не только в факте принятия «суперпрезидентской» конституции в 1993 году, но и в невнимании к разработке основной несущей конструкции реализации республиканского проекта в России, а именно принципа федерализма в политическом устройстве.

(В скобках следует отметить, что далеко не вся эмигрантская мысль была антиреспубликанской. До сих пор в России мало исследованы проекты демократического правового социализма и социального либерализма, развивавшиеся сторонниками правых эсеров и кадетов на форуме парижского журнала «Современные записки». Это наследие даже еще не опубликовано полностью. А между тем для обсуждения республиканского проекта для России оно имеет огромное значение.)

3. Можно ли ожидать реализации каких-либо республиканских проектов в будущем? Соответственно, что мешает их реализовать? Можно ли сейчас в принципе (в условиях массовых модернизированных обществ) реализовать республиканский идеал общего дела и общего блага?

Наталья Потапова

Я не политолог, я историк, и главный опыт включенного наблюдения за практиками самоуправления у меня связан с наблюдением за работой городских инициатив типа «Твой бюджет» и республиканских активностей корпораций, реализующих свои интересы за счет встраивания их в модель общего блага (создание зон отдыха, охраняемых, убираемых и т.п. зон с удобными подъездными путями, культурными и образовательными площадками, спортивными, досуговыми и т.д.). Мешает реализовываться бедность (ограниченная

группа бизнес-элит имеет возможность «самодержавно» действовать в интересах общего блага: возможность для солидарного финансового участия в котором у большинства населения ничтожна). Республиканский проект всегда был проектом собственников, домовладельцев, которые, помимо ответственности за домочадцев (а их наличие важно — как опыт управления малыми группами), имеют возможность брать ответственность за происходящее в более широком сообществе. Помимо желаний, принципиально тут важна и финансовая ответственность. Если коротко: Россия бедная страна с ярко выраженным неравенством, и у этого очень давняя история, с которой связано и отсутствие культуры и традиционных навыков самоуправления.

Николай Плотников

Недоверие к республиканскому проекту питалось в постсоветский период прежде всего энергией противостояния и разрушения советской модели Союза Социалистических Республик. Эта модель декларативно провозглашала наиболее полную реализацию идеи республики, разрабатывавшейся в русле российского освободительного движения. Но в реальной практике советская модель не допускала в принципе никакого самоуправления народа. Понятие и институт республиканской власти использовались в ней лишь как несамостоятельное промежуточное звено в централизованной властной иерархии между союзной и местной властью. Но, разрушив советскую систему псевдореспубликанства, новая власть России не сделала принцип самоуправления народа реальным фактом политического устройства нации, а в период укрепления с начала 2000-х годов нынешнего режима и вообще устраняла все легальные возможности гражданского участия населения во власти.

Вопрос о будущем республиканской идеи для России должен исходить из тезиса Канта в трактате «К вечному миру»: «Гражданское устройство каждого государства должно быть республиканским»¹. Но принципы гражданского участия во власти, равенства перед законом, разделения властей должны стать не просто провозглашенными принципами и нормами писаной Конституции, но и условиями реального функционирования политического в формах совместного действия и самоопределения людей. Насколько такая республиканская идея сможет стать реальностью в России, зависит от двух фундаментальных факторов: готовности власти преодолеть недоверие к обществу и допустить не номинальное, а реальное участие общества во власти, а также готовности самого общества принять участие и явочным порядком затребовать его (как это было продемонстрировано, хотя и непоследовательно, в протестах 2011—2012 годов).

Однако помимо вопроса об отношении теории и практики республиканства обсуждение республиканского проекта будущего требует уточнения и его современного гештальта. Не секрет, что республиканское правление не только требует гражданского участия, но и нередко ставит гражданские добродетели и обязанности выше политических прав и в целом имеет тенденцию к достижению социальной однородности и к доминированию большинства над меньшинствами. Опыт политической истории Нового времени знает примеры и

1 Кант И. К вечному миру / Пер. с нем. А. Гулыги // Кант И. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 14.

республиканских диктатур наподобие якобинской. Поэтому республиканская идея в современном мире, формулируемая с учетом прежнего опыта республиканских режимов, выступает в неразрывной связи с принципами либеральной демократии, гарантирующей возможности частной свободы индивидуума. Обсуждение образов политического устройства России на принципах политической философии либерального республиканства — дело будущего. Надеюсь, не столь отдаленного.

Алексей Глухов (*доцент школы философии и культурологии НИУ ВШЭ, кандидат философских наук*)

Идея и первые реализации республиканизма предшествуют модерну, поэтому заданный вопрос я понимаю как проблему совместимости республиканизма и современного человечества, понимаемого как массовая технологически развитая цивилизация. Иными словами, не блокирует ли развитие технологий и рост населения осуществление именно этого политического проекта? Прежде чем говорить отдельно о республиканизме, хотелось бы сделать общее замечание об отношениях между политической философией и реальностью. Политическая философия стремится изменить данную нам реальность некоторым осмысленным образом. Согласно известному тезису Маркса, все дело в том, чтобы изменить, а не просто описать или объяснить. На мой взгляд, это верно для любой политической философии независимо от школы и направления. Поэтому сама по себе данная нам реальность никогда не решает политико-философские проблемы, но и никогда не препятствует полностью их решению, ведь в конечном счете она все равно нуждается в изменении. Вероятно, осуществление республиканского идеала сегодня требует больших усилий, чем в Античности, но ведь и ресурсов для решения коммуникативных задач у современной цивилизации тоже больше. Что задача со временем только усложняется, скорее следует ожидать. Так ведь и происходит в жизни каждого отдельного человека, когда задачи, решаемые в начальной школе, существенно проще, чем решаемые в высшей. Но то же самое происходит и в истории человечества, если согласиться, например, с идеей Канта о том, что историческое развитие направлено на решение того, что он называет «величайшей проблемой». Кант был сторонником республиканизма, и в его описании «величайшая проблема», определяющая судьбу человечества, весьма напоминает проблему осуществления именно республиканского идеала. Грандиозная задача, без сомнения, но и самая значительная, ведь все прочие успехи оказываются всего лишь подготовкой к этому финальному достижению. Основная трудность в реализации республиканизма, на мой взгляд, заключается не в том, что окружает людей, — новые технологии и пр., — но, как обычно, в самих людях. Ведь республиканизм, по сути, предельная проверка каждого и всех на справедливость. Справедливость не просто соблюдение общезначимых норм, но также творческое умение создавать новые нормы в непредсказуемом соавторстве с другими людьми. Это не технический навык, но особый способ ориентации в реальности, требующий наличия, казалось бы, двух противоположных и поэтому запутывающих умений. Быть способным пойти на компромисс, в чем-то уступить, чтобы договориться об общем благе, перестать видеть в другом врага, найти общий язык. Но в то же время — уметь отстаивать свои насущные интересы,

сопротивляться чужому произволу и доминированию. Такое не дается от рождения, но приобретаетая как всякая добродетель по прошествии времени. Возможно, человеческая история — это такая продолжительная тренировка в республиканизме.

4. Известно ли что-то об общественном восприятии республиканских проектов развития в России?

Наталья Потапова

Проект «Твой бюджет» был очень популярен, его результаты в разных городах материальны и физически очевидны для жителей, которые друг от друга, особенно в небольших городах, хорошо осведомлены об этом проекте. Мне приходилось много раз, от случайных даже спутников в поездах, на вокзалах, в автобусах, аэропортах слышать про участие в этом проекте. Учитывая те в процентном отношении ничтожные суммы, распоряжаться которыми людям государство «позволило» по своему усмотрению, это показало огромный потенциал. Роль государства и его контроль еще раз нужно акцентировать. И второе, для работы бюджетных комиссий характерна вязкость дискуссий. А она, в свою очередь, производна от одной из главных причин, осложнявших реализацию этого проекта: нет привычки распоряжаться суммами, необходимыми для реализации общественных инициатив, нет похожего практического опыта у большинства участников. Тот, кто не построил дом, не построит и сквер.

Николай Плотников

Дискуссии второй половины XX века между коммунитаристами и либералами в западной политической философии по поводу отношения свободы и справедливости в политической практике демократических обществ привели к ренессансу идей республиканства в современной мысли. В центре внимания оказались идеи общественной солидарности, гражданского самоуправления, политических добродетелей партиципативности и инклюзивности, без успешного воплощения которых невозможна и реализация политических свобод и устройства общества на либеральных принципах. В первом десятилетии XXI века эти идеи становились все более важными и для самосознания нового поколения российских граждан. И это самосознание, укреплявшееся в ходе расширения поля волонтерских практик в России, неизбежно оказывалось в конфликте с верховной властью, все более устремленной на подавление институциональных форм самоуправления и участия граждан. Кульминацией этого конфликта стал гражданский протест 2011—2012 годов, который можно рассматривать как наиболее отчетливую форму запроса на республиканскую идею и ее реализацию в системе российской власти (честные выборы, расширения представительства оппозиции и т.п.). Но и после подавления протестов практика создания новых форм молодежной самоорганизации в волонтерском движении, академической и культурной среде продолжалась и усиливала противостояние власти и общества во втором десятилетии XXI века. Одновременно

стали развиваться и в рамках дискуссий о политической философии в России идеи нового понимания республиканства, адаптировавшие концепции западного республиканства применительно к российской истории и современности. После 24 февраля 2022 года эта дискуссия была фактически прекращена, а практики волонтерства и самоуправления объявлены вне закона.

5. Осмыслялся ли республиканизм как альтернатива империи, монархии, самодержавию?

Наталья Потапова

Республиканизм не противопоставлялся монархии как форме администрирования, принципиальным является лишь то, в чьих интересах осуществляется управления — в интересах одного или в общих. Идеи законности также принципиальны, монарх также подлежит закону, как и народ. Понятие самодержавия изначально было связано с идеей суверенитета и до конца XVIII века не обладало негативными коннотациями, как самовластие или деспотизм. И в этом понимании республика и самодержавие не связаны и не противопоставлены. Правда, уже Кавелин замечал парадоксальность этого сочетания: «В идеале русском представляется *самодержавная* власть, вдохновляемая и направляемая *народным мнением*. <...> Сама история заставляет нас создать *новый, небывалый своеобразный* политический *строй*, для которого не подыщешь другого названия, как — *самодержавной республики*»². В XIX веке самодержавие все чаще ассоциируется с деспотическим правлением, и в этом значении как раз противопоставляется республиканскому правлению (как злое доброму в самых общих чертах). Если понимать республиканизм вслед за Квентином Скinnerом и Филиппом Петтитом как горизонтальную политику, основанную на постулате свободы как недоминировании и связанную с готовностью действовать ради общего блага, может ли республиканизм осуществляться через институт коллективных петиций? Да, если заявители не рабски просят о льготах, а указывают монарху на то, что права порядок и свободы нарушены.

Итак, самодержавие и республиканизм — это понятия из разных кластеров политического дискурса, при помощи которых моделировались разные элементы политического поля: суверенное государство может быть республиканским. Монархия также не исключает политического действия ради общего блага. Понятие империи отсылает нас к третьему измерению. Империи в XVIII веке была противопоставлена федеральная модель управления, речь идет о возможности управления разных частей одного государства по разным принципам. Реймон Арон и в XX веке говорил об империализме республиканской политики Соединенных Штатов, понимая империализм в марксистском смысле («*République impériale: Les Etats-Unis dans le monde*»), но в XX веке это сочетание, конечно, ему было важно уже своим субверсивным потенциалом. Империализм, согласно Арону, подрывал базовые ценности и практики рес-

2 Кавелин К.Д. Разговор с социалистом-революционером // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. С. 134—137.

публики. Но можно вспомнить принципат Августа, сочетавший выборные магистратуры и престолонаследие: для республиканизма принципиален не механизм передачи власти, а ее осуществление в общих интересах, гарантией чего могут быть и законы, и равный доступ к должностям. Так что вне зависимости от этикеток, используемых в названии государств политонимов, сами по себе они не гарантируют республиканского характера управления.

Алексей Глухов

Любопытно, что республиканизм в каком-то смысле тоже «империя», ведь «империя» — значит «власть», но только в республиканской мысли предлагается власть законов, а не людей. An empire of laws and not of men³. Именно так звучит одно из влиятельнейших определений республиканизма, следы которого можно найти в сочинениях Джеймса Гаррингтона и американских конституционалистов. Но дело, разумеется, в характере этой власти. Республиканская политическая онтология рассматривает политическую реальность как общение множества независимых источников власти, ни один из которых не обладает тотальным контролем. Все решения принимаются в результате обсуждения и достижения соглашения между многими участниками. Единственный способ реализации своей власти для участников — дискурсивный: нужно убедить других в разумности своей позиции, пойти на компромисс или согласиться с альтернативой, если она подкреплена разумными основаниями. Очевидно, что структура республиканского правления совершенно отлична от монархического абсолютизма или самодержавия.

6. В какой мере Советское государство было республиканским, насколько это понятие было важным в советскую эпоху?

Наталья Потапова

Советское государство выросло из насилия Первой мировой и Гражданской войн, в условиях войны была произведена субверсия прежних политических артикуляций, в том числе социалистических, радикальных, смыслы многих прежних слов изменились, а требования, формулируемые с их помощью, оказывались практически невозможны в условиях насилия и войны. Мой научный руководитель в аспирантуре, Алексей Николаевич Цамутали, часто вспоминал опыт своей семьи, это позволяло ему остранить трюизмы в отношении событий, мыслимых как хрестоматийные исторические. Он рассказывал, например, историю своего отца. Николай Михайлович Цамутали окончил артиллерийское училище и на протяжении всей Первой мировой войны находился в действующей армии. Осенью 1917 года, когда в полк пришли агитаторы и скомандовали «кто за большевиков — налево разойдись», солдаты вверенной ему части выполнили этот приказ и *одним движением* перешли на сторону большевиков. И он последовал за своими людьми, только потому, что

3 Империя законов, а не людей (англ.).

ответственность за людей в этих условиях стала для него первостепенной. Он не видел другого способа удержать людей и чувствовал за них ответственность, чтобы сохранить тот порядок, который, несмотря на политическую демагогию, в части продолжал существовать и поддерживался, держался на взаимном *согласии* и практической привычке людей друг к другу. Одним шагом в сторону режим не изменишь, а вот расстрелы и аресты, вырывавшие людей из практической жизни, очевидны своим разрушительной силой. Он пожертвовал «идеалами» на очень абстрактном уровне, но выбрал служение общему делу настолько, насколько это возможно и насколько у него оставалась возможность отвечать за жизнь и практическое бытие этих людей, выбрав сохранение базовых принципов на сугубо практическом уровне, — и, принципиально важно, не прибегая к насилию. И он не думал, что выбирает сильную сторону, напротив, он был уверен, что это смертельный выбор. Ответственность за людей и общее бытие с ними. Что далеко не всегда означает открытый поединок или сражение. Но это жизнь, прожитая и значимая для общины как деяние. И когда выпадет жребий принять участие, это безусловная готовность этот выбор принять.

Как соотносится свобода и насилие в такие моменты, думаю, тут показателен известный пример Януша Корчака. Это не «повиновение», подрывной потенциал такого действия очень высок в том числе и в глазах тех, кто осуществляет насилие. И это очень воодушевляющий пример. Республиканизм в мужестве разделить ответственность за людей и общее бытие с ними, общее дело, насколько это возможно, и поддержать попираемую *справедливость* в сжатом пространстве лицом к лицу, оставив демагогические рассуждения в категориях воображаемых сообществ. Сознание того, что это единственный выход, потому что оставить людей и остаться выжить одному неприемлемо, это значило бы быть в чужой воле, бросив своих. В этих актах готовность умереть без колебаний за общие принципы бытия.

Я думаю, республиканизм в России существовал и был возможен именно на таком уровне.

7. В каких отношениях находятся республиканизм и либерализм?

Наталья Потапова

Ключевым было расхождение в понимании свободы и участия. Либерализм строится вокруг идеи сохранить верность себе, своим идеалам (как если бы они были возможны вне взаимодействия с другими), не позволить другим ограничивать свою свободу. С этой точки зрения, наверное, подвиг Корчака — это проявление слабости, молчаливое подчинение сильной машине уничтожения людей. Он мог бы остаться на свободе и много еще сделать с либеральной точки зрения. Сохранить свободу себе. С радикальной точки зрения он должен был бы произнести пламенную речь и попытаться совершить побег, пусть и неудачный, попытаться освободить тех, кто с ним, ответив насилием на насилие. Его исторический выбор непонятен вне республиканской позиции: общий мир, вытесненный из публичного пространства в концлагерь, он сохранил вокруг себя до конца.

Алексей Глухов

Популярный историко-философский нарратив, предлагаемый, в частности, Квентином Скиннером и Филипом Петтитом, говорит, что правильная политическая философия, а именно республиканизм, долгое время незаслуженно пребывала в тени господствовавшей в западном мире менее правильной политической философии, а именно либерализма, но теперь наконец наступает долгожданное торжество республиканской идеи. Я не историк и не берусь судить о том, насколько этот нарратив соответствует историческим реалиям. С концептуальной точки зрения вызывает сомнение, что преимущество республиканской теории над либеральной в принципе доказуемо. С этим по крайней мере две сложности. С одной стороны, можно понимать эти направления широко, и тогда становится сложно их различать. Взять, например, такую важную фигуру, как Кант. Он мечтает о республиканском правлении, но вносит существенный вклад именно в либеральную мысль. С другой стороны, можно понимать эти направления академически узко, сделав различие между ними предельно отчетливым, причем современная аналитическая философия предлагает для этого идеальный инструментарий. Логический анализ языка позволяет свести различие между центральными принципами свободы в либерализме Исайи Берлина и республиканизме Филипа Петтита к одному единственному слову. Либерализм утверждает, что свобода есть отсутствие вмешательства, тогда как республиканизм вносит поправку: отсутствие произвольного вмешательства. Казалось бы, добавлено всего одно слово, но это влечет за собой масштабные расхождения. Произвольное вмешательство в республиканской логике означает капризный человеческий фактор, отсутствие которого приветствуется, а наличие всячески устраняется. В результате теория Петтита легко обходит множество неприятностей, буквально на каждом шагу подстерегающих теорию Берлина, когда, например, пешехода на светофоре приходится признать то свободным, если горит зеленый свет, то несвободным, если зажегся красный. С другой стороны, не меньшее количество неприятностей поджидает теорию Петтита, например, если рассматривать отношения между близкими людьми, ведь можно усомниться в том, что произвольное вмешательство родителей в жизнь детей требует устранения, а понимание любви обязано всегда соответствовать сложившимся социальным нормам. На мой взгляд, различие между этими теоретическими направлениями все-таки не сводится к единственному слову в понимании свободы. Прежде всего это различные способы политического мышления. Либерализм делает ставку на индивидуальную рациональность, республиканизм — на групповую рациональность (которую не следует путать с единомыслием). Либеральный теоретик рассуждает как шахматист, разыгрывающий партию в своем уме, без непосредственного общения с окружающими. Напротив, в республиканизме главное наладить принятие решений в сообществе разумных людей, избежав тирании большинства и саботажа со стороны меньшинств. Можно ли в итоге чисто теоретически доказать, что в превратностях политического бытия нам полезна только групповая или только индивидуальная рациональность? В этом есть серьезные сомнения. Проясняющий способ политического мышления скорее определяется конкретной жизненной ситуацией. В некоторых случаях преимущества коллективной кооперации несомненны, в других случаях явно не обойтись без того, чтобы иметь смелость думать своим умом.